

В юбилейный для Третьяковской галереи год ее собрание пополнилось внушительной коллекцией произведений художника Н.В.Мещерина (1864–1916), которая поступила в качестве дара от Николая Александровича Гагмана, реставратора живописи, многолетнего сотрудника Всесоюзного художественного научно-реставрационного центра имени академика И.Э.Грабаря. Она представлена семнадцатью произведениями, написанными маслом и темперой, и шестью пастелями Н.В.Мещерина, а также архивными материалами и фотодокументами, связанными с его жизнью и творчеством. В свое время все эти экспонаты были приобретены у вдовы художника Л.И.Горячевой-Мещериной отцом дарителя – Александром Николаевичем Гагманом, доктором медицинских наук. На протяжении многих десятилетий работы художника находились в семье собирателя. Н.А.Гагман бережно сохранил коллекцию отца и приложил все старания, чтобы сделать известным имя живописца. Результатом этих трудов стала организованная им в 1987 году персональная выставка Мещерина, сопровождавшаяся изданием каталога. Н.А.Гагман выступил в качестве автора вступительной статьи, интереснейшей подборки архивных публикаций и собственно каталога, включавшего в себя все найденные исследователем произведения художника из музейных и частных собраний России.

Николай Гагман

«Чем дальше, тем все сложнее...»

А И.Э.Грабарь по этому поводу заметил: «Его имя едва ли много говорит широким кругам: две маленькие вещицы в Третьяковской галерее, три-четыре – в московских частных собраниях, да по одной – по две, – и то не каждый год, – на выставках, вот и все, что могли видеть из произведений этого художника музейные и выставочные завсегдатаи. Немногие умеют разбираться на выставочной стене, усыпанной сотней холстов десятков художников, немногие поэтому замечали и выделяли на такой стене его вещи от соседних, немногие знали ему истинную цену, и лишь самые близкие, самые интимные друзья чувствовали очарование его артистической одаренности»².

По свидетельству известного художественного деятеля начала прошлого века И.И.Трояновского, Николай Васильевич Мещерин был человеком скромным, деликатным и даже застенчивым, «не любил являться в больших обществах, избегал шумных разговоров и диспутов – не любил фигурировать и на выставках со своими работами, в которые всегда вкладывал добрую частицу своей души, подолгу вынашивая их, любовно наблюдая затронувшие его моменты и места в разные часы дня и ночи в разные времена года и делая массу этюдов. Его всегда долго надо было упрашивать участвовать на той или другой выставке, и всегда он давал очень мало вещей, если изредка и решался выступить»¹.

Между тем Мещерин был участником регулярных показов Московского общества любителей художеств, Товарищества передвижных художественных выставок, экспозиций журнала «Мир искусства» и Союза русских художников. В 1906 году на III и IV выставках СРХ он показал общим числом 12 новых крупных работ, и тогда же пять его картин было представлено на выставке «Русское искусство», организованной С.П.Дягилевым в Париже и Берлине. Две его картины, одна в 1903 году, другая в 1907-м, были куплены в Третьяковскую галерею. Но в 1910 году на VIII выставку СРХ он дал только одну вещь и потом три года не выставлял ничего. Видимо, Мещерин, человек весьма состоятельный, опасался, что

Н.В. Мещерин.
Конец XIX в.

Nikolai Vasilevich
Meshcherin
Photograph.
Late 19th century

¹ Н.В.Мещерин. Очерк. Приложение к письму И.И.Трояновского П.И.Нерадовскому. – ОР ГТГ, ф. 31, ед. хр. 2044.

² Игорь Грабарь. Памяти художника и друга // Русские ведомости. 1916. 11 окт. № 234. С. 4.

³ Такого мнения был В.В.Домогацкий, отец которого, известный скульптор, тоже близко знал Мещерина.

⁴ Бурлышкин П.А. Москва купеческая. М., 1991. С. 17.

⁵ См.: Грабарь И.Э. Письма. 1891–1917. М., 1974. С. 242–243, 416–417.

⁶ По сообщению Ю.Г.Бранденбурга, у его наследников хранится этюд Мещерина с дарственной надписью: «Многоуважаемому Ю.Г.Бранденбургу. Этюд Н.В.Мещерина от Л.И.Горячевой-Мещериной. 17 IX 23 г.»

его успех затронет интересы других художников, живших своим трудом³. Его отец был основателем Даниловской мануфактуры, которой владел вместе с С.И.Щукиным, московским коллекционером новой французской живописи⁴. Кроме того, Мещерина неприятно поразила устроенная Александром Бенуа раскол Союза русских художников на две антагонистические группы: столичную, новый «Мир искусства», и московскую, сохранившую название объединения, – и он не хотел участвовать в этом конфликте⁵. Вернуться к публике его побудили только начало Первой мировой войны и необходимость принять участие в развернувшейся тогда кампании благотворительности.

Будучи более чем обеспеченным, он предпочитал не расставаться со своими работами. По словам вдовы художника Лидии Ивановны Горячевой-Мещериной, на просьбу продать какую-нибудь из них он обычно отвечал, что торгует холстом, а не картинами⁶. Но уже вскоре после его смерти она, не имея других источников для существования, стала продавать их, причем, как видно, нередко и в случайные руки. Даже из тех 30 картин, что были показаны на XV выставке Союза русских художников, открытой накануне нового, 1918 года, ныне известно местонахождение только тринадцати. В одной из рецензий читаем: «Работы Николая Васильевича Мещерина, скончавшегося в 1916 году, образуют на «Союзе» небольшую по-

смертную выставку этого серьезного и редко выступавшего перед публикой пейзажиста. Писать он стал в зрелых летах, и это сказалось в редкой продуманности замысла и в бережном техническом выполнении. Недолгую пору его пейзажи носили характер, свойственный левитановской полосе, затем plein air поглотил его целиком, и Мещерин дал ряд прекрасных вещей в духе последовательного пленэризма⁷. В скромном каталоге выставки три картины Мещерина значатся как приобретенные в Третьяковскую галерею и одна – в Русский музей. Но в оба собрания они вошли уже как дар семьи художника. Очевидно, что при закрытии выставки не могло быть и речи о выплате полагающейся суммы вдове «бывшего миллионера».

В двадцатых годах мой отец, Александр Николаевич Гагман, никогда ничего не собиравший, купил у вдовы Мещерина несколько работ художника,

дающих целостное представление о характере его искусства. Одна из них – еще никак не названный маленький набросок, на котором над рекой, на фоне грозовой тучи, вдалеке белеет силуэт церкви. Написан он вблизи мещеринской подмосковной усадьбы Дугино, где, по словам Грабаря, в начале прошлого века «работало столько русских художников начиная с Левитана»⁸. При всей очевидной несопоставимости, мещеринский набросок довольно близко напоминает считающуюся неоконченной картину И.И.Левитана «Озеро»: здесь тот же мотив с белой церковью над водной гладью. Это выглядело бы не иначе, как неловкое подражание, если бы не свидетельство Трояновского о том, что личное знакомство Мещерина с Левитаном состоялось значительно позже, в 1898 году.

Другой маленький набросок имеет поставленную авторской рукой дату –

Осеннее утро.
Холст на оргалите,
темпера. 66,5×79
ГТГ

Autumn Morning
Tempera on canvas
mounted on fiberboard
66.5 by 79 cm
State Tretyakov Gallery

1896 г. – и отличается от предыдущего большим профессионализмом в передаче состояния природы. Над тонкой полоской земли – миниатюрный силуэт одинокой сосны, а над ними в просторе неба – огромное облако. Композиция этюда с наивной непосредственностью выдает размышления художника о величии мироздания.

Из больших по размеру работ, написанных широкой пастозной манерой, выделяется вполне законченная вещь в авторской лаковой раме вишневого цвета. На этюде представлен вид открывающийся из ворот мещеринской усадьбы, на котором в предутренней дымке вновь возникает силуэт кольцевой церкви. Основную часть пространства по-прежнему занимает небо, озаренное первыми лучами еще скрывающегося за горизонтом солнца. В этой работе уже можно видеть начало мещеринского импрессионизма. Ни

⁷ Абрам Эфрос. Выставки // Аполлон. 1917. № 8–10. С. 111.

⁸ Игорь Грабарь. Памяти художника и друга...

In 2006, the year of its 150th jubilee, the Tretyakov Gallery acquired a significant number of works by the artist Nikolai Meshcherin (1864–1916). Presented as a gift by Nikolai Gagman, art restorer and long-standing member of the Igor Grabar All-Union Centre for Art Research and Restoration, the donation included 17 oil and tempera paintings and six pastels by Meshcherin, as well as archive documents and photographs shedding light on the artist's life and work. Many years ago, these were purchased from Meshcherin's widow Lydia Goriacheva-Meshcherina by Gagman's father Alexander Nikolaevich, a Doctor of Medicine and one of the founders of surgical urology.

For many decades, this small treasure remained in the Gagman family. Nikolai Gagman took the best possible care of his father's collection, doing everything within his means to make Meshcherin better known as an artist. In 1987, Nikolai Gagman organised an exhibition of Meshcherin's work and published a catalogue to accompany the event, writing the introduction and selecting some fascinating archive material for the catalogue himself. The catalogue included all of Meshcherin's works from museums and private collections in Russia which Gagman had succeeded in locating.

Nikolai Gagman

In Memory of Nikolai Meshcherin

Весна. 1903
Холст, масло. 43×59
ГТГ

Spring. 1903
Oil on canvas
43 by 59 cm
State Tretyakov Gallery

¹ "Nikolai Meshcherin. Ocherk" (An Essay on Nikolai Meshcherin), appended to Ivan Troyanovsky's letter to Petr Neradovsky. Tretyakov Gallery Manuscripts Department, archive 31, unit 2044.

² Igor Grabar: "Pamiati khudozhnika i druga" (In Memory of an Artist and a Friend), in "Russkiye Vedomosti" (The Russian Gazette), 11 October 1916, no. 234, p. 4.

³ Pavel Buryshkin: "Moskva kupecheskaya" (Merchant Moscow), Moscow, "Vysshaya Shkola" publishers, 1991, p. 17.

⁴ Such was the opinion of Vladimir Vladimirovich Domogatsky, whose father, the famous sculptor Vladimir Nikolaevich Domogatsky, knew Meshcherin well.

⁵ Igor Grabar: "Pisma. 1891–1917" (Correspondence, 1891–1917), Moscow, 1974, pp. 242–243 and 416–417.

Nikolai Meshcherin, notwithstanding, took part in regular exhibitions of the Moscow Art Lovers' Society, Fellowship of Wanderer Artists, the "World of Art" magazine and Union of Russian Artists. In 1906, he showed twelve large new works at the Third and Fourth Exhibitions of the Union of Russian Artists, and five paintings at Diaghilev's "Russian Art" exhibition in Paris and Berlin. Two of his paintings, in 1903 and 1907, were purchased for the Tretyakov Gallery, yet in 1910, for the Eighth Union of Russian Artists' Exhibition, Meshcherin submitted only one painting. In the three years that followed, the artist did not exhibit a single work, concerned that his success might threaten those around him. His father, the founder of the Danilov textile mill, co-owned this enterprise with Sergei Shchukin – the Moscow-based collector of new French painting.³ An exceptionally wealthy man, Meshcherin showed his concern for painters who relied on their art to make a living, by keeping his work from the public.⁴

There was, however, another factor behind the artist's reluctance to exhibit his work. The split of the Union of Russian Artists, caused by Alexander Benois and resulting in the emergence of two hostile groups, the new St. Petersburg-based "World of Art" and a Moscow unit which continued to work under the old name, shocked Meshcherin, who refused to become involved in the conflict.⁵ Only with the First World War, and consequent need to take part in the charitable campaign launched at its outset, did he begin, once more, to exhibit his paintings.

Иван-чай. 1912
Картон, темпера
67,3×85,5
ГТГ

Willow-herb. 1912
Tempera on cardboard
67.3 by 85.5 cm
State Tretyakov Gallery

авторской подписи, ни даты на ней нет, только в правом нижнем углу стоит обозначенный тушью номер 122. Сквозной нумерацией Мещерин помечал свои этюды, исполненные в 1896–1903 годах. Поскольку в собрании Э.С.Маршака находятся два его этюда под номерами 63 и 351, причем оба датированные 1898 годом, то, очевидно, и эта вещь должна быть отнесена к тому же времени.

Уже подписанная картина 1903 года, с полустертой карандашной надписью «Весна» на обороте, представляет типичный «союзнический» пейзаж: деревенская улица, освещенная лучами вечернего солнца, с изъезженной санями дорогой в центре композиции. Широкая темпераментная манера ее исполнения в сравнении с написанной в том же году картиной Грабаря «Сентябрьский снег» еще раз показывает ошибочность распространенного мнения, будто импрессионистический подход к природе Мещерин заимствовал у Грабаря.

Среди более поздних работ выделяется датированный 1907 годом небольшой этюд с авторской надписью на обороте: «У ворот. Март в деревне». На нем изображены две избы, стоящие на краю оврага под сенью большой старой березы. На откосе оврага лежат остатки тающего снега с синими тенями. Великолепное сочетание необыкновенно точно взятых насыщенных красок удивительно живо передает ослепительное сияние весеннего солнца, а мощная крона старой березы на фоне яркого мартовского неба только намечена прерывистыми голубыми мазками по нетронутой поверхности белого картона.

Этюд 1913 года «Жатва» представляет пример свойственного Мещерину выразительного лаконизма живописной формы. На этот раз немногими безошибочно взятыми мазками намечены отдельные золотистые волны ржи и разноцветные фигурки жниц. Работа производит впечатление безупречной законченности и живо передает атмо-

сферу происходящего. Чудесным завершением творческих находок стала серия этюдов, написанных при восходе солнца в мае – июне 1916 года. Это настоящий гимн солнцу. Удивительно, что они полны ничем не омраченного счастья, хотя созданы уже тяжелобольным художником незадолго до его смерти.

Картины Мещерина отличаются разнообразием живописных решений, не связанных между собою постепенной эволюцией творческой манеры автора, а всецело зависящих от состояний изображаемых им явлений природы. Его пастели альбомного формата показывают великолепие мотивов постоянно меняющейся природы.

В поисках новой выразительности Николай Васильевич Мещерин не всегда был ровным в своем искусстве. Вместе с тем он всегда оставался поэтом живой природы.

Possessing a considerable fortune and having no need for additional income, Nikolai Mescherin preferred not to part with his works. As his widow Lydia Goriacheva notes, when asked to sell one of his paintings, Meshcherin would usually reply that he was in the business of selling canvas, not canvases.⁶ Finding herself without the means to make a living after her husband's death, however, Lydia Ivanovna was forced to sell Meshcherin's canvases. It seems she frequently accepted offers from unknown chance buyers: even of the 30 paintings shown at the Fifteenth Union of Russian Artists Exhibition in late 1917, only 13 have been traced. A review published after Meshcherin's death reads: "The works of Nikolai Vasilievich Meshcherin, who died in 1916, have been brought together by the Union to form a small posthumous exhibition. A skillful landscape artist who seldom took part in exhibitions, Meshcherin began to paint as a mature adult: his compositions are exceptionally well planned and meticulously executed. For a short while he created landscapes which put one in mind of the Levitan school; then open air painting engulfed him totally, and he produced a series of excellent paintings totally in keeping with the open air tradition."⁷ The modest exhibition catalogue lists three of Meshcherin's paintings as purchased by the Tretyakov Gallery, and one as purchased by the Russian Museum. Both institutions, however, actually received the artist's works as a gift – evidently, by the time the exhibition had closed it was impossible to contemplate paying the widow of a "former millionaire" the sums agreed.

In the 1920s my father, Alexander Gagman, who had never previously indulged in collecting of any kind, purchased a number of Meshcherin's works

from the artist's widow. Together, these provide an accurate impression of his work. Take, for instance, the small study which Meshcherin never named: high up above the slow, dark waters of a river, a distant church glows white against an inky storm cloud. The study was made near Dugino, Meshcherin's estate in the environs of Moscow, where, as Grabar noted, "beginning with Levitan, so many Russian artists worked"⁸. Despite the evident impossibility of serious comparison, this little painting puts one in mind of Levitan's "Lake", a work considered unfinished, which likewise shows a white church soaring over water on a windy day. One might, indeed, be tempted to dismiss Meshcherin's work as an awkward imitation – were it not for Troyanovsky's assurance that the artist only met Levitan much later, in 1898.

Moving on to a second small study, dated "1896" by the painter himself, we note Meshcherin's increased professionalism in portraying his subject. A lone pine rises from a thin strip of land, whilst high above, a large, airy cloud floats in an open sky. The artist's composition unwittingly reveals his thoughts on the majesty of creation, and the earth's puny insignificance compared to the heavens.

Of his larger works, which are executed in broad, thick brushstrokes, one immediately notices a finished landscape in a cherry-coloured lacquered frame chosen by Meshcherin himself. The study shows the view from the gates of Meshcherin's estate: a broad sweep of fields glowing a gentle green in the early morning shadows, the distant outline of Kolychevo village church. The sky occupies a large part of the canvas: although the sun has not yet risen, the heavens are lit by the first few golden rays. Meshcherin's landscape shows his budding interest in Impressionism. It bears

Ржаные поля. Вид от усадьбы Дугино в сторону села Кольчево. 1906
Холст на картоне, темпера. 60×100,8 см
ГТГ

Fields of Rye. View towards Kolychevo Village from Dugino Estate. 1906
Tempera on canvas mounted on cardboard 60 by 100.8 cm
State Tretyakov Gallery

⁶ According to Yu.G.Brandenburg, there is, in the possession of his heirs, a study by Nikolai Meshcherin bearing the inscription: "From Lydia Goriacheva-Meshcherina to Mr. Brandenburg, this study by Nikolai Meshcherin is presented with the greatest respect. 17 IX 23."

⁷ Abram Eφος. "Vystavki" (Exhibitions), in "Apollon" (Apollo), 1917, nos. 8–10, p. 111.

⁸ Igor Grabar: "Pamiati khudozhnika i druga" (In Memory of an Artist and a Friend).

neither signature nor date, yet the bottom right-hand corner is marked in ink with the number 122: the artist numbered consecutively all his studies made between 1896 and 1903. Bearing in mind that Emmanuil Marshak's collection includes two studies by Meshcherin, numbered 63 and 351 and both dated 1898, we conclude that this view must have been painted in the same year.

Signed and dated 1903, the next canvas is larger still. Its name – "Spring" – can just be made out in pencil on the back. A typical country-side landscape, it shows a village street, rosy in the sun's dying rays. Central to the composition is the road itself, criss-crossed with sleigh marks. Executed in broad, temperamental brush strokes, this painting was created in the same year as Grabar's "September Snow", proving yet again that Meshcherin's impressionist approach to nature was not borrowed from Grabar.

Among the later works, worthy of note is a small study dated 1907. Inscribed on the back by Meshcherin ("By the Gates. The Village in March"), this shows two peasant huts beneath a tall old birch. In the ditch nearby, the snow still lies melting, mysterious and bluish in the shade. To show the birch's mighty crown against the azure backdrop of the sky, the painter uses broken brushstrokes in blue on untouched white cardboard, whilst the startling brightness of the spring sunshine is skilfully conveyed through accurate combinations of bold, vivid tones.

Another example of Meshcherin's laconic, yet remarkably expressive rendition of form can be found in the 1913 study "The Harvest". With a few rapid, yet precise strokes, the painter conjures up a golden field of waving rye and the colourful figures of women reaping. A finished work of art, the study conveys the atmosphere of the harvest perfectly.

A series of studies of sunrises made in May and June 1916 completes my father's wonderful find. A real hymn to the Sun, filled with sheer joy and exuberance, these glowing canvases were created by the artist not long before his death, when Meshcherin was already seriously ill.

Rather than illustrating the gradual evolution of his style, the diverse approaches favoured by the artist in his works tend to depend on the nature of the landscapes depicted. His album-sized pastels bear testimony to the sheer number of beautiful views sought out by the painter over the years.

In his search for new means of expression, Nikolai Meshcherin was not always consistent. An inspired poet, however, he conveyed the beauty of nature, showing exceptional mastery in his use of colour.

Архивные материалы Н.В. Мещерина в Третьяковской галерее

Подготовка к печати, предисловие, примечания **Е.А. Теркель**

В отделе рукописей Третьяковской галереи хранятся материалы, связанные с жизнью и творчеством Николая Васильевича Мещерина. Это зарисовки мастера с подробными пояснительными записями, а также переписка с И.Э.Грабарем, В.Н.Домогацким, В.П.Бычковым.

Особенно интересен альбом, поступивший в Третьяковскую галерею в 1961 году по завещанию И.Э.Грабаря. Переплет обтянут простым холстом, внутри 46 листов плотной, шероховатой бумаги с водяными знаками (30 на 47 см). Альбом заполнялся неравномерно, вначале было сделано несколько рисунков цветным карандашом, на одном из которых есть дата: «27 ноября 1875». Позднее выполнены остальные карандашные наброски с натуры, почти к каждому из них даются подробные объяснения о цвете, общем восприятии, тенях. Есть в альбоме записи о радуге, небе, тонах травы, соломы, о наблюдениях автора, сделанных ночью и на рассвете. Надпись на переплете лаконична: «№1, 905, черн[овой]». Основная часть набросков действительно сделана в 1905 году. В это время Н.В.Мещерин тесно общался с И.Э.Грабарем, который нередко гостил и работал в Дугине. В их переписке не раз мелькают слова: жду, приезжайте, еду таким-то поездом, лошадей вышло и т.п. Вероятно, в тот же период альбом попал к Игорю Эммануиловичу. По счастливой случайности или сознательно сохранил Грабарь эти уникальные материалы творческой лаборатории своего друга, мы не знаем. Но теперь они вместе с ценнейшим даром Н.А.Гагмана, стали основой нового личного фонда в собрании отдела рукописей Третьяковской галереи – фонда Николая Васильевича Мещерина. В 2006 году Гагман передал галерее собранные им документальные материалы о художнике, а также 48 подлинных фотографий, сделанных Н.В.Мещериным в Дугине, Лопасне и окрестностях в 1886–1887 годах. На них – пейзажи, сцены охоты, групповые портреты родных и близких. Особенно удачны пейзажные съемки в окрестностях реки Пахры, в лесу, в полях. Так же как и в картинах художника, здесь чувствуется

тонкое понимание русской природы, любовь к ней.

Публикуемые архивные материалы Н.В.Мещерина фрагментарны, и все же они дают представление о личности живописца, его творческих исканиях, интересах, отношении Николая Васильевича к друзьям-художникам и их работам.

Из альбома Н.В. Мещерина. 4 октября [1905]

Луна темно голубая, звезды голубые тусклые (иногда ее не видно). Около луны голубое жемчужное, от нее расходящееся светлым кругом сияние. Тона луны неправильные, кое-где намечаются в глазу. Облака серыми массами по жемчужно-голубой пелене. Книзу серее и холоднее. Внизу к горизонту тянутся массы более светлые. Тусклее к горизонту и теплее, чем облака розовые. Дали розов[ые], лилов[ые], зелен[ые]. К первому плану травы светлее далей, а может, это опять тона. Вдали розово-лиловые, вблизи теплые зеленые. Избы лилов[ым] силуэтом. Крыши розовые (лиловые) легче, светлее, и от них и небо, и больше света. Но под крышами все же притем[не]ния, выделяющиеся на стенах, особенно на воротах. У первого дома крыша охристая, угол ее трогается луной зеленоват[ым], лилов[ым], розоватым, особенно где приходится перед крышей выступающей, но только там, это тем[ная] крыша, малинов[ая] с лилов[ым]. Стена этого сарая голубо-сер[ой]-лиловая (теперь коричневая). Тень от первого дома, которая почти сливается со стеной, но чуть зеленее, и трава у стены в тени светлее, лилов[ая], зеленая. А затем сразу там точно светлее и теплее свет[ло]-лиловым пятном. У тропы она гуще, она розово-лиловая, теряется, сливается.

Н.В. Мещерин. 1886

Nikolai Meshcherin. 1886

Около луны нет желтого круга, а рассеянное сияние расходящееся. Сзади облаков пластинами очевидно общая вуаль – тогда ясно бывает.

То же, когда луна стала выше, она имела кругом голубой круг без желтого кольца. Она и звезды были растянутой вуалью. Облаков не было. Ближе к луне был более теплый кружок, более светлый.

Луна все время более или менее видна, иногда ее совсем затянет, но все же она дает рассеянный свет.

На 4-ый день полнолуния, 4-го октября, 11 час[ов] ночи, тихо, облачно с вуалью.

Телеграмма Н.В. Мещерина И.Э. Грабарю. 26.05.1907

Сирень распускается. Тепло. Вероятно, отцветет быстро. Мещерин.

Nikolai Meshcherin: Archive Material from the Tretyakov Gallery

Compiled, with foreword and notes by **Elena Terkel**

The Tretyakov Gallery's Manuscripts Department houses some fascinating material, which sheds light on the life and work of the artist Nikolai Vasilievich Meshcherin. The gallery boasts an album of Meshcherin's sketches with detailed notes, his correspondence with Igor Grabar, Vladimir Domogatsky and Vyacheslav Bychkov, as well as a particularly interesting album bequeathed by Grabar in 1961.

Bound in simple canvas, the album contains 46 sheets of thick, rough watermarked paper measuring 30 by 47 centimetres. Working at irregular intervals, Meshcherin first made several drawings in coloured pencil, one of which bears the date: 27 November 1875. The remaining drawings are made in ordinary pencil. Rough sketches from nature, virtually each is accompanied by detailed notes on hues, light and shade, and general impressions. Meshcherin writes of rainbows, of the sky, of the different shades of grass and straw, of his experience sketching at night and at sunrise. The album cover bears the laconic inscription "No. 1, 905, drafts." The main body of the sketches were indeed made in 1905.

At that time, Nikolai Meshcherin was in close contact with Igor Grabar, who was a frequent guest at Meshcherin's estate of Dugino. The artists' correspondence is filled with references to Grabar's visits: "I expect you soon", "pray, come", "I shall be arriving on the following train", "I will send a carriage". Grabar often painted in Dugino. Meshcherin's album most probably

Усадебный дом
в Дугине. 1900-е

Main House of Dugino
Estate. 1900s

came into his possession in the late 1900s, and, be it deliberately or by chance, Grabar kept this unique record of his friend's creative endeavours. Together with the recent gift from Nikolai Gagman, this album now forms the heart of a new personal archive established by the Tretyakov Gallery's Manuscripts Department: that of Nikolai Vasilievich Meshcherin.

Gagman's gift, presented to the Gallery in 2006, consisted of documentary material on Nikolai Meshcherin, and 48 original photographs taken by the artist in Dugino, Lopasna and neighbouring areas in 1886–1887. As well as landscapes and hunting scenes, these included a number of group portraits of the artist's family and friends. The images of the forest and fields by the Pakhra river are particularly fine. Like Meshcherin's paintings, they show his subtle understanding of the states of nature and his love for his native countryside.

The archive materials by Nikolai Meshcherin presented below are, perhaps, somewhat fragmentary; nevertheless, we

hope they will convey to the reader an impression of the artist's personality. We feel that in these lines, the creative search and interests of Nikolai Meshcherin are reflected, as well as the warmth he displayed towards his fellow artists and their work.

Excerpt from Nikolai Meshcherin's album. 4 October [1905]

The moon – a dark blue colour, the stars a lighter blue, and dim (at times the moon cannot be seen). A bluish pearly radiance emanates from the moon, a bright halo. The moon's tones are irregular... The clouds, a grey mass against a pearly blue screen. Lower down, the hues grow colder, more grey. Towards the horizon, the clouds lighten. Dimmer, as they approach the horizon; warmer than rosy clouds. In the distance, pinks, violets, greens. In the foreground, the grass is lighter, or, perhaps, these are other tones. Further away – a pinkish violet, closer up – a warm green. The huts are violet outlines. The roofs pink (violet), lighter, more airy – the sky lightens from them, so there is more light. Beneath the roofs, however, there are still dark patches on the walls, and particularly on the gates. The first house has an ochre roof, the moonlight touches its corner, turning it a greenish, violet, pinkish colour, especially where it approaches the jutting roof, but only there; it is a dark roof, a violet, raspberry colour. The wall of this shed is a blue-grey-violet (now brown). The shadow from the first house almost merges with the wall, yet is a touch greener, and the grass by the wall is lighter in the shadows, violet, green. Then, immediately, much lighter and warmer – a light violet patch. By the path it is thicker, a pinkish violet – it merges and disappears.

There is no yellow ring around the moon. Its diffused shining emanates outwards. Behind the layers of clouds there shows a single veil – then, the night is clear.

As the moon rises higher, it is encircled by a bluish round, with no yellow ring. The moon and stars are a veil, spread out. There are no clouds. Nearer the moon there is a warmer patch, more light.

The moon can always be discerned. At times it is obscured by clouds, but its light still shines through, diffused.

It is the fourth day of the new moon, 4 October, 11 o'clock at night, quiet, cloudy, with a veil.

Письмо Н.В. Мещерина И.Э. Грабарю. 11.06.[1907]

Дугино
11-го июня, понедельник

Дорогой Игорь Эммануилович!
Письмо Ваше от 6-го вчера получил, большое спасибо. 1-ое письмо от 21-го мая тоже получил; и как только та увяла сирень, уведомил Вас телеграммой. Не писал, рассчитывая, что вот-вот приедете в Дугино. Теперь ждем Вас, значит, числа 15-го. От души рад, что работа Ваша идет успешно¹. Что сирень, ее написать еще успеете, а вот то, что делаете в настоящее время, будет поважнее. Кто бы, кроме Вас, это сделал. Только бы труды не пропали даром (разумею Кнебеля²). Но не жалейте о сирени, она увяла совсем, не важно. Вот васильки действительно хороши и уже имеются, но думается, еще будут.

Одновременно с Вашим письмом получил письмо от Василия Васильевича³, Он в Архангельске (Псковская ул., д. Спиридоновой, № 32, кв. Березина). Просит Ваш адрес; говорит, что у него до Вас дело. Я ему написал. Он застрял в Архангельске; пишет, что не здоровится. Очень жалел бы, если бы Вы не сошлись с Венецианской галерей⁴. Иван Иванович Трояновский⁵ сделал мне большую любезность, прислав привет из Венеции. Сожалею, что не знаю, куда отвечать и благодарить. Он посылает поклон Вам и, кажется, упоминает, что писал Вам в Москву.

Н.В. Мещерин в своей
мастерской в Дугине.
1900-е

Nikolai Meshcherin in
his studio at Dugino.
1900s

Что касается меня, то я начинаю труситься; как бы не ограмфониться. Так увлекся, что просто беда. То бывало: утренняя заря, да лунная ночь и т.п.; а теперь еще и граммофон. Увлекает, главное, то, что можно приобретать все новые пластинки, а их хочется слушать. А пластинок-то неисчислимое множество. Не прошло и месяца, а уже около 70-ти пластинок на лицо. Так что к Вашему приезду готово уже несколько концертов. Что-то будет дальше. Надеюсь, что надоест же когда-нибудь. С природы начал было сирень, но то, как взял, длилось немного; и понять не успел. Кое-что делал дома вроде того, что Вы видели. Лидия Ивановна⁶ и все благодарят за привет и шлют привет Вам. В Дугине хворают детишки. Валя выздоровела, а Маня и Пася еще больны. Кажется, инфлюэнция. Все еще холодные ночи и нет надлежащего тепла, но мне это в самый

¹ И.Э.Грабарь работал в это время над многоотомной «Историей русского искусства», которую планировалось выпустить в издательстве И.Н.Кнебеля.

² Иосиф Николаевич Кнебель (1854–1926) – московский издатель.

³ Василий Васильевич Переплетчиков (1863–1918) – живописец, пейзажист, друг Н.В.Мещерина и И.Э.Грабаря.

⁴ Картины И.Э.Грабаря экспонировались на устроенной С.П.Дягилевым выставке русской живописи и скульптуры за два столетия (Париж, 1906), затем эта выставка была перевезена в Берлин, а в апреле 1907 года она открылась в сокращенном виде в Венеции.

⁵ Иван Иванович Трояновский (1855–1928) – врач, коллекционер.

⁶ Лидия Ивановна Горячева-Мещерина – жена Н.В.Мещерина.

⁷ Владимир Николаевич Домогацкий (1876–1939) – скульптор, педагог.

⁸ Екатерина Львовна Домогацкая (1879–1958) – жена В.Н.Домогацкого.

раз. Занят очень состояние здоровья Саши. Ей все еще нельзя ехать за границу. Главное, она очень слаба. Вообще граммофону все-таки спасибо – утешает. Очень интересные стоят ночи. Приходится много наблюдать, а делать, пока что граммофон мешает. Увлечен тоже восходом солнца. Следовательно: ночи + восход солнца + рассматривание каталогов с пьесами для граммофона; и так до 6 час. утра, а встаю в 2 ч. дня и чуть не весь день около граммофона. Андриша говорит, что получается такое впечатление, будто я граммофону оказываю какое-то одолжение.

Итак, если Вы действительно освободитесь после 15-го, то, значит, скоро увидимся. Вероятно, читали или слышали о дальнейшем успехе русской музыки в Париже. Кажется, там решили поставить Снегурочку и Садко. Верно ли это?

Крепко жму руку, до скорого свидания.

Преданный Вам Н.Мещерин.

Письмо Н.В. Мещерина В.Н. Домогацкому. 26.05.1914

26-го мая 1914 г.

Многоуважаемый Владимир Николаевич!

Прежде всего, простите, пожалуйста, что не ответил Вам на Ваше письмо тотчас же. Последнее время случилось много таких обстоятельств, которые совсем затрели. В свое время были упования, что под старость будет покойнее. Но теперь предьявляется иное. Чем дальше, тем все сложнее. Иной раз труденько приходится. Простите, что угощаю Вас такими жалобами. Но в этом есть как будто потребность. Как будто и легче становится. Очень-очень буду рад видеть Вас в Дугине. Пожалуйста, приезжайте. Как только выясните, когда приедете, тотчас сообщите по телефону Петру Сергеевичу Власову, в какой день и с каким поездом, чтобы он своевременно известил меня о высылке лошадей на станцию.

Приношу Вам глубокую благодарность за альбом со снимками с Ваших работ. Хотя Вы и упоминаете, что данные снимки не достаточно представляют Ваши работы, но я-то их почти совсем не знал. Еще раз большое спасибо. Очень-очень надеюсь, что заглянете в Дугино. Жду извещения. Привет Екатерине Львовне⁸.

Крепко жму Вашу руку.

Преданный Вам Н.Мещерин.

Немного все же писал я с природы, но как следует поработать не пришлось. Да и сильно приходится задумываться. Могу ли в будущем работать как следует.

Очень-очень ждем в Дугино.

Telegram from Nikolai Meshcherin to Igor Grabar. 26 May 1907.

The lilac is blossoming. It is warm. The blooms will most likely soon fade. Meshcherin.

Letter from Nikolai Meshcherin to Igor Grabar. 11 June [1907]

Dugino
Monday, 11 July
My dear Igor Emmanuilovich!

I received your letter of the 6th yesterday – my kindest thanks. I also received the first letter, from 21 May, and, as soon as that lilac faded, I sent you a telegram. I did not write, expecting you to arrive in Dugino at any moment. So now, we will expect you around the 15th. I am so happy that your work is progressing well! Do not concern yourself about the lilac – you will have ample opportunity to paint it yet, whereas the task on which you are currently working is, indubitably, of far greater importance. Who else save you could do it, after all? I just hope that your work will not be in vain (I am, of course, referring to Knebel¹). Think not about the lilac – it has faded totally, it is of no consequence. The cornflowers, however, are a pleasure to behold – they are already here, and, I think, will hold for some time.

Together with yours, I received also a letter from Vasily Vasilievich². He is in Arkhangelsk (Pskovskaya St., Spiridonova's house, no. 32, Berezin's apartment). He asked for your address – apparently, he has some business he would like to discuss with you. I replied to him. He is stuck in Arkhangelsk; he is not well, it seems. He feels it would be a shame, were you not to come to an agreement with the gallery in Venice³. Ivan Ivanovich Troyanovsky⁴ was so kind as to send me his greetings from Venice. Unfortunately, I have not his address, so cannot reply to thank him. He sent his best to you also and mentioned, I think, that he wrote to you in Moscow.

As far as I am concerned, I am afraid

И.Э. Грабарь,
М.В. и Н.В. Мещеринь.
Дугино. 1900-е

Igor Grabar,
Mikhail and Nikolai
Meshcherin. Dugino.
1900s

*Перед восходом
солнца. 1915*
Серая бумага, пастель
29,5×36
ГТГ

Before Sunrise. 1915
Pastel on paper
mounted on cardboard
29.5 by 36 cm
State Tretyakov Gallery

that I might be altogether taken over by the gramophone. I have become so fascinated with the thing, it simply will not do. It used to be the sunrises, the moonlit nights and such; now, it is also the gramophone. What enthral me the most is the possibility of purchasing new records, which I enjoy listening to greatly. And there are so many records! A month has not yet passed, and I already possess around 70. So, for your visit, we have several concertos in stock. Whatever next! I must surely tire of the thing eventually... I started to work on some lilac, from nature, but it did not last long – I failed to grasp the essence of it, even. I have also been working at home on compositions like the ones I showed you. Lydia Ivanovna⁵ and the rest send thanks for your greetings, and pass on their best to you. The children in Dugino are unwell. Valya is better, but Manya and Pasya are still ill. Influenza, I think. The nights are still cold, no warmth as yet, but this suits me. Sasha's health concerns me greatly, however. She is still not able to travel abroad. She is so terribly weak. The gramophone does cheer us up, I have to admit. My nights have become truly absorbing. I observe a lot, although the gramophone prevents me from doing much. I have also become enthralled by the sunrise. So, the night + the sunrise + looking at catalogues of musical pieces for the gramophone, and so on until 6 in the morning; after which I rise at around 2 p.m., then spend most of the day by the gramophone! Andriusha says he has the impression that I am doing the gramophone some sort of favour.

If you are indeed free after the 15th, we shall see you soon. You will have read, or heard, about the continuing success of Russian music in Paris. "The Snow Maiden" and "Sadko" are to be staged there, I hear. Is this so?

I embrace you and look forward to seeing you soon.

Your devoted
N. Meshcherin.

Letter from Nikolai Meshcherin to Vladimir Domogatsky. 26 May 1914

26 May 1914

Dear Vladimir Nikolaevich!

Firstly, allow me to apologise for failing to reply to your letter immediately. Much has happened lately, and I have been quite caught up in a whirl. I used to hope that old age would bring peace and calm, yet this is not the case: indeed, life seems to grow harder, the longer one lives. Things have, indeed, been difficult at times. Forgive me for my whinings. It is best that I confess to you – and it brings some relief. I will be very glad to see you in Dugino. Please come. As soon as you decide when you will be able to visit, please telephone Petr Sergeyeovich Vlasov⁶ to let him know the day and train, so he can inform me on the carriage to be sent to the station well in advance.

I am deeply grateful to you for the album containing photographs of your work. You say the photographs do not do your works justice, but I had hardly seen any of your compositions before. Once again, I thank you. I truly hope that you will call on us here in Dugino. Please let me know. My greetings to Ekaterina Lvovna.⁹

I embrace you.

Your devoted

N. Meshcherin.

I have been painting from nature a little, although I have not been able to work much. I have been forced to ponder my situation thoroughly. Will I be able to work properly in the future.

Please come to Dugino!

¹ At that time, Igor Grabar was working on his "History of Russian Art" – an opus in many volumes, to be published by Joseph Knebel.

² Joseph Nikolaevich Knebel (1854–1926) – a Moscow publisher.

³ Vasily Vasilievich Perepletchikov (1863–1918) – a landscape artist and friend of Nikolai Meshcherin and Igor Grabar.

⁴ Grabar's paintings were shown at an exhibition of two centuries of Russian painting and sculpture, organised by Sergei Diaghilev in 1906. After showing in Paris, the exhibition was taken to Berlin, then, in April 1907, it opened in Venice, where only some of the works were shown.

⁵ Ivan Ivanovich Troyanovsky (1855–1928) – a doctor and collector of art.

⁶ Lydia Ivanovna Goriacheva-Meshcherina – the wife of Nikolai Meshcherin.

⁷ Vladimir Nikolaevich Domogatsky (1876–1939) – a sculptor and teacher.

⁸ Petr Sergeyeovich Vlasov – Nikolai Meshcherin's steward.

⁹ Ekaterina Lvovna Domogatskaya – Vladimir Domogatsky's wife.